

П.Н. МАТЮШИН

**И.Д. КУЗНЕЦОВ В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА И НА ПОСЕЛЕНИИ СЕВЕРА
(сентябрь 1941 года – ноябрь 1945 года – январь 1956 года)**

Ключевые слова: история политических репрессий, ГУЛАГ в Коми АССР, политическая реабилитация.

Статья посвящена судьбе доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова, автора значительного числа научных статей и монографий по различным аспектам истории страны и республики, и в первую очередь, малоизученному периоду его жизнедеятельности – пребыванию в застенках НКВД и в лагерях ГУЛАГа. В работе обрабатываются вновь выявленные архивные источники (уголовно-следственные дела) по истории репрессий 1937-1938-х годов в Чувашской АССР и развития лагерной системы на Севере страны (в Коми АССР).

P.N. MATUSHIN

**I.D. KUZNETSOV IN CAMPS GULAG AND IN COLONY IN THE NORTH
(september 1941 – november 1945 – january 1956)**

Key words: the history of political repressions, GuLaG in Komi ASSR, the political rehabilitation.

The article is devoted to destiny of the doctor of historical sciences, professors Ivan Danilovich Kuznetsov, the author of the significant number of scientific articles and the monographies on various aspects of history of the country and republic, and first of all, insufficiently studied period of his life, his torments in torture chambers of People's Commissariat of Internal Affairs and in camps GuLaG. Archival sources (criminal cases-investigatory) on history of repressions 1937-1938 in Chuvash ASSR are revealed processed and developments of camp system in the North of the country (in Komi ASSR).

Массовые репрессии 1937-1938 гг. являются одной из центральных тем отечественной истории XX в. Несмотря на обилие публикаций, посвященных репрессиям, в этом вопросе остается еще немало «белых пятен». Рассекреченные в последнее время документы позволяют достаточно полно воссоздать сам процесс проведения гигантской репрессивной акции, однако вопрос о причинах репрессий до сих пор остается открытым. Помимо рассекреченных документов все чаще исследователи прибегают к использованию мемуарных источников, которые помогают воссоздать пробел в судьбе многих тысяч репрессированных. Среди них ярким и сильным показом тех событий выделяются воспоминания доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова.

Пройдя долгий и сложный жизненный путь, Иван Данилович Кузнецов после окончания Института Красной профессуры смог достичь высот не только в преподавательской и партийной работе, но и в научно-исследовательской деятельности. Его судьба стала примером судеб десятков тысяч советских людей и период, когда он был отдален не только от своих родных и близких, но и от своего любимого дела – изучения истории родного края, стал периодом страданий и духовного подвига.

Продолжительная работа в Чувашском обкоме ВКП (б) заведующим отделом школ и культпросветработы в 1932-1937 гг., связанная с деятельностью разных отраслей культуры и науки в условиях, когда в республике не хватало творческих работников, а обстоятельства требовали участия в решении многих вопросов, привела к тому, что И. Д. Кузнецов проявил себя как разносторонний работник: историк, литературный критик, публицист, переводчик марксистско-ленинской литературы [1, с. 320]. Несмотря на свой молодой возраст, Кузнецов подвергает критическому разбору работы представителей дорево-

люционной историографии и тех авторов, «которые и после Великой Октябрьской революции продолжали проповедовать в своих произведениях эсеровско-националистические идеи» [2, с. 7]. 22 ноября 1937 г. он был арестован и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД г. Чебоксары.

Его обвинили в связях с Д.С. Эльменем (вспомнили, как он, будучи студентом Института Красной профессуры, защищал статью Д.С. Эльменя «К вопросу о разработке перспективного пятилетнего плана в ЧАССР») и с В.И. Красновым-Асли, а также за якобы «шпионскую деятельность» жены И. Кузнецовой. К тому же нашлись «грехи» и по партийно-общественной работе: «засорение троцкистскими антисоветскими элементами Чувашского Союза советских писателей», случаи «троцкистских вылазок» в школах ЧАССР, а также «шовинизм и национализм в исторических работах», который дезориентировал «партийные массы в борьбе с национализмом» [3].

Отдельно стояло обвинение Кузнецова в связях с казанскими историками. В одной из докладных записок на имя уполномоченного КПК по Чувашской АССР Сахьяновой указывается, что «Кузнецов имел связь с казанским троцкистом Медведевым*. Медведев, будучи работником Архива Татарии, доставал материал для Чувашии Кузнецову, в частности, по вопросу о картофельном бунте чуваш. Он являлся первоисточником» [4].

В заключительном слове, сломленный истязаниями, И.Д. Кузнецов заявил: «...я прошу суд при вынесении мне приговора учесть мою работу по борьбе за генеральную линию партии» [5]. Трибунал по совокупности совершенных преступлений приговорил Кузнецова к тюремному заключению сроком на 10 лет, с поражением в политических правах на 5 лет [6].

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев жалобу осужденного, определила «приговор суда отменить и дело возвратить на новое до расследование со стадии предварительного следствия» [7].

В результате нового судебного процесса, который проходил с 3 по 13 февраля 1941 г., были существенно изменены судебные сроки: с 10 до 8 лет.

По решению Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 13 мая 1941 г. приговор в отношении И.Д. Кузнецова был оставлен в силе – «назначенное судом первой инстанции тюремное заключение на восемь лет заменить направлением для отбытия этого наказания в исправительно-трудовые лагеря» [8].

В августе 1941 г. Иван Данилович по этапу был направлен из Цивильской тюрьмы на Север страны.

4 сентября 1941 г. он прибыл этапом в Котласский пересыльный пункт. В то время поселок Котлас был местом большого скопления политзаключенных, в период 1941-1943 гг. там шло строительство железнодорожного моста и рабо-

* Медведев Ефрем Игнатьевич (1903-1983). Родился в семье крестьянина села Старая Медтощина Бугульминского уезда Самарской губернии. Трудовую деятельность начал с шестнадцати лет рабочим-железнодорожником в Бугульме в 1919 г. Учился в Бугульминской трудовой школе на педагогических курсах, в педагогическом техникуме и с 1923 г. работал учителем на станции Часовня Верхняя в Симбирской губернии. В 1929 г. окончил Восточно-педагогический институт в Казани, а в 1931 г. – Казанский университет, а затем и аспирантуру. Работал управляющим архивами, директором Центрального музея Татарской АССР, доцентом в вузах Казани. С 1934 г. по 1970 г., с перерывом в годы заключения, был доцентом, профессором, заведующим кафедрой истории СССР Куйбышевского педагогического института, а с 1970 г. по 1982 г. – заведующим кафедрами: сначала – истории СССР, затем – дореволюционной отечественной истории (ныне – кафедра российской истории). В 1942 г. он защитил кандидатскую, а в 1960 г. – докторскую диссертацию. Репрессирован в 1935 г. по обвинению в контрреволюционной, троцкистской деятельности. Реабилитирован в 1955 г.

чая сила требовалась повседневно. Именно эта стройка стала одним из мест массовой гибели заключенных. В частности, в Котласе умер в заключении Токсин Василий Иванович*, который был этапирован вместе Кузнецовым.

После проведения врачебной комиссии, по решению которой Кузнецова определили годным к физическому труду, 14 сентября он убыл в Северный железнодорожный лагерь, куда прибыл 15 сентября.

Северный железнодорожный лагерь (Севжелдорлаг), в который был направлен Иван Данилович, занимался строительством Северо-Печорской железной дороги, проходившей по территории Коми АССР. Строительство началось еще в 1937 г., с принятием постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б), однако к 1940 г. строительство еще не было закончено. Для скорейшего окончания работ численность лагеря в 1939-1941 гг. была увеличена на 30 000 человек [9, с. 141], в основном за счет политзаключенных.

Характерной чертой военного времени стало достижение цели любой ценой. Особенно наглядно это проявилось в процессе завершения строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали.

На строительстве дороги до осени 1941 г. работало свыше 85 тыс. заключенных и около 30 тыс. вольнонаемных. А к началу 1942 г. общая численность заключенных железнодорожных лагерей достигала 170 тыс. человек [10, с. 449]. Темпы сооружения железной дороги с началом войны ускорились, поскольку выросло ее стратегическое значение, особенно для снабжения военной промышленности районов Европейского Севера углем и нефтью, лесом и газом.

Путь укладывался одновременно на нескольких участках (одна группа шла навстречу другой). Передовые бригады и «боеучастки», специально созданные политотделом на ключевых объектах стройки, в некоторые дни прокладывали до 5 км пути.

О внимании, которое уделялось Северо-Печорской железной дороге, красноречиво свидетельствует такой факт. Из-за нехватки металла для монтажа мостов через северные реки сюда были отправлены демонтированные металло-конструкции высотной части второй очереди строительства Дворца Советов в Москве, металлические фермы одного из мостов канала Москва-Волга, а также несколько тысяч тонн мостовых пролетов, изготовленных на московских заводах.

Иное отношение было к заключенным. Был установлен 10-12-часовой рабочий день, отменены выходные. Одновременно были повышены трудовые нормы и снижено котловое довольствие. Отказ от работы приравнивался к контрреволюционному саботажу и карался смертной казнью. Вследствие таких методов в 1941 г. от голода и болезней, от непосильного труда погибло более 20 тыс. заключенных [11, с. 181]. Результатом стало то, что в 1941 г. в рекордно короткие сроки (за 4 с половиной месяца) было уложено столько стального пути, сколько за 1937-1939 гг. вместе взятые [12].

* Токсин Василий Иванович (1899-1942) Родился в с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда (ныне Янтиковского района Чувашской Республики). В 1917-1919 гг. – учащийся Тетюшской учительской семинарии. Член РКП (б) с марта 1919 г. Работал сотрудником газеты «Канаш» («Союз»), состоял внештатным корреспондентом газеты «Правда». Был одним из организаторов чувашской секции при Казанском губкоме РКСМ. Участник гражданской войны. В 1921-1924 гг. учился в Коммунистическом университете в Москве. С 1924 г. на партийной и советской работе в Чувашии: заведующий учебной частью совпартшколы, заведующий отделами печати, культуры и пропаганды обкома ВКП (б), заместитель наркома земледелия, нарком финансов. С марта 1932 г. по июль 1937 г. работал председателем Совнаркома Чувашской АССР. Репрессирован в сентябре 1937 г. Умер в 1942 г. в пос. Котлас Архангельской области. Реабилитирован в 1955 г.

Ужасные условия содержания в Севжелдорлаге очень быстро превращали мужчин в «доходяг». Основную часть работ включали рытье траншей и котлованов, а также укладка железнодорожного полотна. При полном отсутствии специальной техники это приводило к высокой смертности рабочих.

Кузнецов был определен на строительство станции Урдома (лагпункт № 13) плотником. Работа была не из легких, так как состояла из непосильного физического труда: теска бревен, шунтовка половых досок. От непрерывной работы и скудного питания уже в ноябре 1941 г. он очутился в слабкоманде, «куда переводили физически ослабленных и мало кто из них выживал» [13, с. 125].

В начале декабря 1941 г. Кузнецова этапировали в лесной лагерный пункт № 214, где назначили бригадиром на лесоповал, и таким образом он был освобожден от тяжелого труда. Лесозаготовки были одним из самых тяжелых работ. В ведении Ивана Даниловича было руководство разделкой валежника на двухметровки, перетаскивание их к трассе и заготовка дров для паровозов [14, с. 190]. Должность была трудной и даже опасной, так как в его бригаде были, в основном, уголовники и бандиты, которые не очень уважали начальников – политзаключенных. К тому же на бригадиров была возложена задача стимулирования труда подчиненных, что требовало от первых умение общаться с людьми.

Норма выработки бригады уточнялась каждое утро и зависела от многих факторов: количества человек в бригаде, участка работы. Но самое главное – от взаимоотношения бригадира с начальством.

На этой должности он пробыл недолго. Уже в январе 1942 г. Кузнецов вновь среди рабочих на дроворезке, а затем и на дровоколке. Ослабленный жестокими условиями и низкими нормами еды (давали по 400 граммов хлеба при 12-часовом рабочем дне) Ивана Даниловича вновь определяют в слабкоманду, что фактически означало смерть от истощения.

Последовали переводы и новые назначения – дневальным технического барака, рабочим бригады водоборьбы (для ограждения начатых прибрежных водонапорных сооружений от ледохода и для очистки реки для молевого сплава), ремонтной бригады. После полученной при работах травмы И.Д. Кузнецов попадает в оздоровительный пункт при лазарете колонны № 2 на станции Урдома. Здесь ему повезло: помимо того, что он смог восстановить свои силы, его пригласили работать секретарем – медицинским статистиком в санчасть [14, с. 220].

Большинство заключенных в лагере, работавших на «второстепенных» должностях, были осуждены по ст. 58 УК. Все лагерные инструкции строжайше предписывали использовать их на самых тяжелых «общих» работах. Но начальство из Москвы требовало в первую очередь выполнения производственных планов, что невозможно было сделать, не привлекая знания и опыта «врагов народа». Для заключенных это означало получение «спецблюда» или возможность выжить. Но что самое главное – это «расконвоирование», т.е. возможность перемещаться по территории лагеря без конвоира, а по выходным ходить свободно в лес по грибы и ягоды.

Получение столь «большой» свободы означало для Ивана Даниловича попытку вырваться из лагеря на фронт.

Первое письмо с просьбой об отправке на фронт он пишет еще будучи в Арзамасе, на пути в Котлас. Его просьбу не удовлетворили, ссылаясь на статью обвинения – 58 УК РСФСР. В последующем письма с просьбами пишутся Кузнецовым все чаще и чаще.

В одном из очередных прошений он пишет: «Каждый человек сталинской принципиальности и гуманности поймёт, что чертовски тяжело пребывать мне

среди преступников, убийственно тяжело» [15]. К тому времени он знает, что на полях сражений пали его братья – Аверкий и Аркадий, что в 1942 г. в Ростове разбомбили дом, где жила его дочь Елена.

Его стремления находят одобрение среди его друзей, в частности, у Якова Андреева, который смог в 1943 г. в письме написать И.Д. Кузнецову: «Что может быть досадней того, что в тот момент, когда вся страна наша бьётся с фашистами, когда, в частности, твои кровные братья мои три сына и дочь сражаются с врагами, мы пребываем в лагерях как настоящие, действительные преступники» [16].

Последней попыткой стало ходатайство его брата Федора, присланное в Севжелдорлаг из штаба Ленинградского фронта. Ходатайство поддержал и начальник Урдомского отделения Севжелдорлага [14, с. 221].

29 ноября 1945 г. закончился судебный срок. Кузнецова оставили по вольному найму на строительстве Северо-Печорской железной дороги и назначили санинспектором с переброской на станцию Ижма (с 1955 г. – город Сосногорск), в Ижемское строительное отделение [14, с. 223].

Удивительно, но лагерная жизнь не смогла сломить в Кузнецове прежде всего человека, с его чувствами и переживаниями. В 1946 г. он женится на Павловой Анне Владимировне, проживавшей до поступления в Севжелдорлаг в деревне Полевые Буртасы. Работала она диспетчером связи в Ижемском отделении лагеря. От этого брака родились трое детей: дочь и два сына, которых ученый очень любил. В характеристике на работника Кузнецова указывается: «В быту очень скромн и исключительно внимателен к семье, особенно к младшим детям, воспитанию которых уделяет много времени и сил» [17]. Жена поддерживала Ивана Даниловича на протяжении всей оставшейся жизни.

К тому времени немало бывших заключенных работали в управлении лагеря. За годы отбытия наказания многие получали технические и инженерные специальности и котировались как квалифицированные специалисты. К тому же поражение в политических правах не давало право покидать место заключения более чем на 20 км.

С 1946 г. Кузнецов переходит на работу в финансовую часть, на должность начальника сметно-плановой группы (старшим экономистом-финансистом) Ижемского отделения СЖДС. Приказом по отделению от 23 февраля 1949 г. был перемещен на должность старшего инженера – экономиста контрольно-плановой части, где проработал до 15 марта 1949 г [18].

Несмотря на жесткие условия жизни в данный период, И.Д. Кузнецов не перестает заниматься любимым делом – историей. В 1947 г. им была переведена на чувашский язык брошюра Сталина «Анархизм и социализм», а также с немецкого оригинала – две главы первого тома «Капитала» Маркса. Секретарь парткома Ижемского отделения от себя направил рукопись в Чувашгиз. Через некоторое время пришел ответ, что переводы «таких людей» издать не могут.

Несмотря на статус вольнонаемного, Кузнецов не мог проявить себя как исследователь, историк. «По его мнению, там невозможно было сделать что-либо серьезное, так как архивы были недоступны, хотя у него была идея заняться историей индустриализации Коми АССР» [13, с. 129].

С 1949 г. И.Д. Кузнецов начинает работать на Ухтинском комбинате, где осваивает профессию инженера-экономиста по разведке нефти и газа и начинает работать в геолого-поисковой команде в посёлке Дина-Йоль Троицко-Печорского района Коми АССР. Должность эта означала постоянные командировки вместе с геологоразведочными отрядами по всей территории Коми АССР, что означало явное понижение в должности. Однако Кузнецов теперь

постоянно находился в тайге и не был под контролем проверяющих органов. Все это способствовало развитию личных интересов Ивана Даниловича к истории края (в его библиотеки осталось огромное количество изданий по различным вопросам истории коми).

В 1950 г. Кузнецов назначается на должность старшего экономиста Планового отдела Управления треста «Войвожнефть» с окладом в 1500 руб. В записке по служебной аттестации Ивана Даниловича на этой должности указано: «За время пребывания товарища Кузнецова в составе Планового отдела треста – планирование производства значительно улучшилось благодаря активности и настойчивости в его требованиях к работникам подразделений треста в области планирования и учета производства, очень упорно работает над повышением своей квалификации всеми доступными ему методами» [19]. Комиссия даже вышла с предложением перед Управлением треста «Войвожнефть» о возможности выдвижения на более самостоятельную и ответственную работу – заместителем начальника отдела или начальником подразделения треста [19].

В сентябре 1955 г. он стал начальником планового отдела геолого-поисковой конторы треста «Войвожнефтегазоразведка» Ухткомбината Министерства нефтяной промышленности СССР. Такой служебный рост был ярким примером характера исследователя.

Это назначение произошло уже в период процесса реабилитации Кузнецова. 8 апреля 1955 г. Пленум Верховного Суда СССР после рассмотрения его дела пришел к выводу, что «у органов следствия не было оснований для возбуждения уголовного дела, а у суда для осуждения по ст. ст. 58 – 10 ч. 1 и 58 – 11 УК РСФСР» [20], вследствие чего «уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в действиях состава преступления» [21]. И.Д. Кузнецов узнал об этом решении только 4 января 1956 г.

Жизнь и деятельность Ивана Даниловича Кузнецова в период с 1937 г. по 1955 г. являются примером духовной стойкости и героизма советского человека. Пройдя все невзгоды и лишения, он смог вновь вернуться к своему любимому делу – науке, высшей школе, литературно-издательской деятельности, отдав им все силы и мощь своего природного дарования. Особое значение имела деятельность талантливого сына чувашского народа по подготовке научных и преподавательских кадров высшей квалификации.

Литература и источники

1. *Димитриев В.Д.* Труды И.Д. Кузнецова по истории Чувашии (К 60-летию ученого) / *В.Д. Димитриев.* Чебоксары: ЧНИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1976. Вып. 31. 344 с.
2. *Денисов П.В.* Иван Данилович Кузнецов / *П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, В.А. Долгов // История Чувашской АССР.* Чебоксары: ЧНИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1966. Вып. 68. 147 с.
3. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3800. Л. 231-238.
4. Там же. Д. 3817. Л. 143.
5. Там же. 3800. Л. 231-238.
6. Там же. Д. 3803. Л. 200 об.
7. Там же. Л. 204.
8. Там же. Д. 3796. Л. 195.
9. *Жеребцов И.Л.* Очерки по истории политических репрессий в Коми / *И.Л. Жеребцов, Л.А. Максимова, Н.М. Игнатова и др.* Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 291 с.
10. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А.Ф. Сметанина; отв. ред. А.Н. Турубанов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.
11. *Морозов Н.А.* Гулаг в Коми крае, 1929-1942 гг. / *Н.А. Морозов.* Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 190 с.
12. За Новый Север. 1941. 9 февраля. С. 2.

13. Богомазова Ю.А. И.Д. Кузнецов: годы тяжелых испытаний (1937-1955 гг.) / Ю.А. Богомазова // Архивный вестник Чувашии: Инф. бюллетень / гл. ред. Ю.П. Смирнов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. Вып. 1(1). 395 с.

14. ГИА ЧР. Личный фонд И.Д. Кузнецова. Воспоминания «Как это было».

15. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3804. Л. 190.

16. Там же. Л. 192.

17. Архив Информационного отдела МВД Республики Коми. Ф. 124. Оп. 20 лс. Д. 393. Л. 28.

18. Там же. Л. 13-13 об.

19. Там же. Л. 28.

20. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3804. Л. 209.

21. Там же. Д. 3796. Л. 196.

МАТЮШИН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ родился в 1982 г. Окончил Чувашский государственный университет. Аспирант кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Чувашского университета. Область научных интересов – история политических репрессий 1930-х годов XX в. Автор 6 научных статей.
